

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПИЧЕТА О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ В РОССИИ

С. Б. Жарко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, szarko499@gmail.com*

В статье приводятся биографические сведения об академике В. И. Пичете, подробно описывается его трудовая и научная деятельность. Данная статья содержит информацию о взглядах В. И. Пичеты на историю Смутного времени в России в XVII в. Подробно и последовательно излагается интерпретация событий, которые происходили в России в период Смуты, на основе сформированной позиции В. И. Пичеты.

Ключевые слова: Смута; Россия; В. И. Пичета; ректор; концепция М. Н. Покровского; научные труды.

VLADIMIR IVANOVIC PICHETA ABOUT THE TIME OF TROUBLES IN RUSSIA

S. B. Zharko

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: szarko499@gmail.com*

The article provides biographical information about Academician V. I. Picheta, describes his labor and scientific activities in detail. This article contains the information about the views of V. I. Picheta on the history of the Time of Troubles in Russia in the XVIIth century. The interpretation of events that took place in Russia during the Time of Troubles, based on the position of V. I. Picheta.

Key words: the Time of Troubles; Russia; V. I. Picheta; a Rector; the concept of M. N. Pokrovsky; the scientific works.

Будущий первый ректор БГУ В. И. Пичета родился в 1879 г. в Полтаве; в 1898 г. окончил местную гимназию; в 1901 г. – историко-филологический факультет императорского Московского университета с дипломом 1-й степени. После непродолжительной преподавательской деятельности в средних учебных заведениях Москвы, Екатеринослава и др. городов сдал в 1910 г. магистерский экзамен, после чего был утвержден приват-доцентом Московского университета. В феврале 1911 г. вместе с группой профессоров и преподавателей оставил университет в знак протеста против политики министра просвещения Л. А. Кассо. В 1917 г. вновь вернулся в университет. В 1918 г. стал магистром, а затем и доктором русской истории [8].

Назначенный ректором БГУ, что занимало массу времени и сил для решения административных задач, В. И. Пичета, тем не менее, изыскивал возможности для активной общественной и научной деятельности, преодоления многочисленных бюрократических барьеров. Не может не вызывать уважения тот факт, что он, известный профессор, лично готовил аудитории к проведению первых занятий – носил стулья и столы, вешал объявления, представлял студенческой аудитории приглашенных из российских и украинских вузов преподавателей [1, с. 82–95].

31 октября 1921 г., когда прошла первая лекция по истории, стал днем Белорусского государственного университета. Ученый по призванию, Владимир Иванович ни на минуту не прерывал своей научной деятельности. Ежегодно у него выходило по 12–25 книг, брошюр, статей, докладов.

Работая в БГУ, В. И. Пичета по кусочкам собирал в одно целое все многоцветие белорусской исторической «спадчыны», группировал вокруг себя как молодых, так и именитых ученых, нацеливал их на разработку белорусской тематики. Ректор университета воспринимался не только как руководитель и организатор, но и как ученый, выдающийся педагог. Для него лекторская деятельность была не простым дополнением к должности ректора, а жизненной необходимостью, сущностью его мировоззрения. Работа в аудиториях была тяжелой, поскольку приходилось читать лекции студентам почти всех университетских специальностей. Кроме того, он, профессор, вел практические занятия со студентами 1,3,4-х курсов по истории польской культуры и истории Беларуси [6, с. 74].

Почти полвека продолжался творческий путь ученого и четверть всех научных работ была написана им во время работы в БГУ. В. И. Пичета верил в БГУ и в этой связи уместно привести слова С. М. Мелких: «Светлый взгляд Владимира Ивановича на будущее БГУ быстро убедил меня, что надо ехать именно в Минск...» [6, с. 59].

Владимир Иванович расширял границы белорусской науки. Об этом могут свидетельствовать хотя бы его зарубежные научные командировки, из которых он всегда привозил новые идеи, новые знания, и что особенно важно для того времени, новые книги.

В сентябре 1930 г. В. И. Пичета был арестован по так наз. «академическому делу». Двух случайных визитов к академикам С. Ф. Платонову и М. К. Любавскому, которых обвинят в «монархическом заговоре», оказалось достаточно, чтобы все изменилось в жизни ученого. Месяц допросов и год в одиночке, потом – ссылка в Вятку [8].

В 1935 г. ссылка закончена. В. И. Пичета возвращается из Воронежа, где в течение года он преподавал в местном Педагогическом институте, в Москву. Вся его последующая научно-педагогическая и организаторская деятельность была связана преимущественно с МГУ им. М.В.Ломоносова, Институтом истории АН СССР, хотя не забывал ученый и Беларусь.

В. И. Пичета создал целый ряд исторических трудов, среди которых и 4 работы, посвященные истории Смутного времени в России.

Как известно, советская историография демифологизировала Смуту и расторгла сусальный союз народа с самодержавием. На смену патриотической интерпретации Смуты пришла маргинальная концепция М. Н. Покровского, отрицавшая подвиг народных масс во имя «крепостнического государства». Согласно М. Н. Покровскому буржуазные историки скрыли под так называемым Смутным временем восстание народа против угнетателей. Тогда как Московское государство раздиралось классовыми противоречиями, «представитель тогдашнего польского империализма» король Сигизмунд III строил обширные планы насчет восточного соседа. Поляки захватили часть русских земель и столицу, воспользовавшись ослаблением центральной власти в Московском государстве, где один за другим менялись «крестьянские» (Лжедмитрий I), «боярско-купеческие» (В. Шуйский) и даже «холопские»

(Лжедмитрий II) цари и авантюристы. Торговому капиталу в лице русского купечества и близким к торговле дворянам, с чьими экономическими интересами иностранцы не считались, необходимо было сильное русское правительство, способное преодолеть междоусобную войну. К тому же поляки оказались не в силах «прекратить демократическую революцию». Торговый капитал выдвинул своего вождя – Кузьму Минина: «Купечество в воззваниях призывает встать не только за православную веру, но и за свою землю и, – прибавляют они, – за достояние, которое нам дал господь бог. Защита родины и защита мощны у этих людей, как у буржуазии всех времен, сливались таким образом в одно» [10, с. 55].

Концепция М. Н. Покровского не привела к научному осмыслению отечественного прошлого. Преподавание истории было на крайне низком уровне. Так, проверка знаний основных периодов русской истории сотрудниками редакции газеты «Армавирская коммуна» выявила, что молодые журналисты путают Смутное время с бироновщиной, а Ледовое побоище с битвой на поле Куликовом [5, с. 154].

Внешнеполитические обстоятельства 1930-х гг., к которым относились военная угроза западным границам СССР, и победа националистической идеологии в ряде европейских государств, заставили советское руководство мобилизовать для обороны страны все внутренние ресурсы, включая историческую память народа. Обществоведы, подгоняемые партийно-государственными инстанциями, были озадачены переосмыслением русской истории.

С середины 1930-х гг. резко меняется тематический вектор исторических исследований, касавшихся русско-польских отношений. От изучения польских восстаний и революционного движения в Польше советские обществоведы переключились на сюжеты, изобличавшие поляков в захватнических устремлениях.

В этом плане особый интерес представляли К. Минин и Д. Пожарский, которым удалось отстоять независимость страны от польских интервентов.

Еще показательнее настоящую взаимосвязь решатся провести постановщики фильма «Минин и Пожарский» (1939 г.), назначив беглого холопа Романа – видимо, бывшего ратника И. Болотникова, в спасители князя Д. Пожарского [2, с. 186–192].

Художественный фильм «Минин и Пожарский», подытоживший усилия историков и деятелей искусства в деле реабилитации борьбы русского народа против польской интервенции, заслуживает отдельного разговора. Сценарий этого фильма был написан по повести известного филолога В. Б. Шкловского [4, с. 47–48].

Особый статус кинопроекта «Минин и Пожарский» подчеркивает механизм назначения к В. Б. Шкловскому компаньонов. Ими не по собственной воле оказались режиссеры В. И. Пудовкин и М. И. Доллер. Для большей надежности к проекту были привлечены в качестве научных консультантов известные советские историки В. И. Лебедев и В. И. Пичета.

Первый из них был преуспевающим администратором от науки и достаточно зрелым исследователем. В 1938 г. он возглавил кафедру истории СССР исторического факультета МГУ. Научные изыскания В. И. Лебедева охватывали XVIII в.; но и предыдущий век, на который пришлась Смута, также

не ускользнул из его поля зрения. В 1928 г. он выпустил брошюру «Смутное время», перекликавшуюся своим содержанием с концепцией М. Н. Покровского. Позже им было написано предисловие к книге Г. Шторма «Повесть о Болотникове». Незадолго до знакомства с В. Б. Шкловским В. И. Лебедев вместе со своими коллегами С. В. Бахрушиным и К. В. Базилевичем провел научную студенческую конференцию на тему «Крестьянские войны в России в XVII веке». В архиве ученого сохранилась стенограмма лекции «Борьба с польско-литовской интервенцией в начале XVII в.». В лекциях по русской истории, которые В. И. Лебедев читал студентам в университете, он рассматривал Смуту прежде всего, как внешнюю угрозу русской государственности, как национально-освободительную войну русского народа против польских интервентов.

Более трагической предстает фигура «высокого, седого, с редкой для тех времен длинной шевелюрой» В. И. Пичеты. Выдающийся ученый, имевший солидную научную репутацию, был, как выше уже отмечалось, арестован в 1930 г. по так называемому «академическому делу». Пройдя через голод и болезни, через арест и осуждение единственного сына, испытав на себе равнодушие и подозрительность разнокалиберных чиновников, в конце концов В. И. Пичета был досрочно освобожден в апреле 1935 г.[8]. Как отмечает историк А. Горяинов, «после освобождения у Пичеты появилось чувство неуверенности, выразившейся в том, что, занимаясь в архивах и создавая на основе отысканных документов новаторские труды, Владимир Иванович не всегда доводил их до публикации [3, с. 70]. Вернувшись в Москву, В. И. Пичета постепенно восстановил утраченные позиции в отечественной науке. В 1938 г. он стал профессором Московского пединститута им. В. И. Ленина и Московского университета. Воздавая должное своему консультанту, В. Б. Шкловский позже напишет о В. И. Пичете: «Это был человек огромных и разнообразных исторических знаний, глубокого, пламенного патриотизма» [11, с. 208]. Известные факты говорят о том, что со стороны В. И. Пичеты не наблюдалось какого-либо цехового высокомерия. Он заинтересованно выслушивал писателя, перепроверял его выводы, правда, при этом не торопился переносить новаторские идеи В. Б. Шкловского на академическую почву. Показателен следующий эпизод, о котором поведал сам В. Б. Шкловский: «Историкам было непонятно, почему Минин и Пожарский задержались в Ярославле весь июль, почему они так долго собирали полки, что основные силы прибыли в Троице-Сергиевский монастырь только 14 августа. Говорили, что русская рать боялась шведов, стоявших в Новгороде Великом. Авраам Палицын утверждал, что Минин и Пожарский были трапезолюбцы, что они пропраздновали, пропировали все это время. Мне пришла мысль узнать, когда в Ярославле собирали хлеб. Возникла эта мысль не случайно. Известно, как расходились отряды Е. Пугачева, когда приходило время убирать хлеб. Дальше работа была простая: в справочнике я узнал, когда в Ярославской губернии убирали хлеб, когда его сушили, когда молотили. Стало ясно, что Минин и Пожарский повели полки на Москву, приготовив хлеб для армии и города, который предстояло освободить. Сообщил об этом академику Пичете. «Дальше не рассказывайте, – ответил он, – очевидно, так оно и было. Теперь понятно, почему армия Минина и Пожарского перед выходом из Ярославля послала во все стороны отряды: они увеличивали площадь для уборки хлеба» [11, с. 211].

В целом же В. И. Пичета и В. И. Лебедев оказались ангелами-хранителями В. Б. Шкловского от исторической науки, что, однако, не избавило сценарий от некоторых фактических недоразумений и элементов упрощения исторической действительности.

В момент приобщения к кинематографическому проекту В. И. Лебедев и В. И. Пичета были заняты подготовкой первого тома вузовского учебника «История СССР». На В. И. Лебедева, входившего в состав авторского коллектива, была возложена также обязанность редактора, и во многом благодаря его хлопотам учебник получился достойным своих создателей.

Непосредственно В. И. Пичетой была написана глава «Крестьянская война XVII в., и польско-шведская интервенция».

Само ее название говорит о том, что, рассматривая Смуту, автор во главу угла ставил социальные противоречия и только потом внешнеполитические коллизии. Историк выделял движение народных масс против крепостных порядков, которое имело сложную амплитуду и разнообразные формы проявления. Не менее острый кризис поразил само феодальное сословие, что привело к политической нестабильности в Русском государстве. В отличие от своих молодых коллег, ориентировавшихся на текущее состояние официальной идеологии, В. И. Пичета старался следовать в русле марксистской схемы. В Смуте он видел сложное переплетение социально-экономических факторов, классовой и политической борьбы, которыми были вызваны польское вмешательство и открытая интервенция Речи Посполитой в русские дела. В. И. Пичета акцентировал внимание на зависимости самозванцев от польской стороны и помощи поляков. Применительно к порядкам, которые установились на территориях, подконтрольных Сигизмунду III и правительству Владислава, В. И. Пичета употребил выражение «польское иго». Русское государство, констатировал ученый, оказалось на грани гибели. Вопреки утвердившейся в советской историографии традиции замалчивать роль церкви, В. И. Пичета высоко оценивал позицию патриарха Гермогена, отказавшегося признать царем Сигизмунда III и рассылавшего грамоты с призывом «дерзать на кровь» и идти к Москве на литовских людей. Взгляды В. И. Пичеты на Смуту радикально расходились с концепцией М. Н. Покровского [9]. Он порицал своего покойного оппонента за нежелание видеть в нижегородском ополчении К. Минина и Д. Пожарского общенародное движение, инициированное «здоровыми национальными чувствами» посадского населения [5, с. 444]. «Покровский органически не хотел или не мог понять того, что борьба русского народа против поляков была не борьбой в интересах излюбленного Покровским торгового капитала, а борьбой за национальное освобождение» [9, с. 138]. Целью К. Минина и Д. Пожарского было освобождение Москвы от интервентов, а не всякого рода корыстные соображения.

Итак, В. Б. Шкловским и его соавторами, прежде всего В. И. Пичетой был проделан колоссальный труд, о чем свидетельствуют одиннадцать вариантов сценария. В сентябре 1938 г. сценарий был передан для утверждения в Комитет по делам кинематографии (за сценарием необходимо признать популяризаторские достоинства).

В заключение необходимо привести высказывание В. Д. Королюка о личности В. И. Пичеты: «Но было во Владимире Ивановиче и нечто другое, важное, чего порою не вычитаешь из его книг. Было у него огромное личное

обаяние, научная толерантность, врожденный педагогический такт и чувство товарищества» [7].

Библиографические ссылки

1. Белорусский Государственный Университет за 1921–1922 акад. год. Мн., 1992. 120 с.
2. Головня О. Из детства (Борис и Любовь Бабицкие) // Кино: политика и люди (1930-е годы). М., 1995. С. 186–199.
3. Горяинов А.Н. Трагическая страница биографии В. И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 года // Славяноведение. 2002, № 1. С. 62 – 71.
4. Дайри Н. Минин и Пожарский // Исторический журнал. 1940, № 8. С. 44 – 58.
5. История СССР / Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М., 1939. Т. 1. 792 с.
6. Кожушков А.И., Яновский О.А. Белорусский университет. Хроника событий (1919–1989 гг.). Мн., 1990. 238 с.
7. Королук В.Д. Владимир Иванович Пичета // Вопросы истории. 1970, № 8. С. 76
8. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D1%8C%D1%84%D1%83>. Дата доступа: 27.09.2020.
9. Пичета В. Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII в. // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сб. статей. М.; Л., 1940. Ч. 2. 447 с.
10. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке: В 2 ч. 5-е изд. М., 1931. Ч. 1. 542 с.
11. Шкловский В.Б. Характер в сценарии исторического фильма // Вопросы киносценарии. М., 1954. Вып. 1. С. 207 – 211.